

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Михайлова, Евгения.

М69 Мое условие судьбе : [роман] / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Столичный детектив).

ISBN 978-5-04-105188-4

Дина считала Артема своим Пигмалионом, ведь благодаря ему она стала известной телеведущей. Но они с Артемом давно развелись и теперь всего лишь коллеги. Дина уже несколько лет вдова другого мужчины и готова на все, чтобы его убийца был найден...

Анна любила Артема и ненавидела Дину. Она была уверена, что тот до сих пор не разлюбил бывшую жену и, пока Дина жива, у Анны нет никаких шансов...

Людмила привыкла быть сильной и уверенной в себе бизнесвумен. И старалась не вспоминать события трехлетней давности, когда сначала она лишилась мужа, а затем дочери. Но забывать, что виновата в этом Дина, не собиралась...

Если противостояшь злу, насилию и ненависти, невозможно остаться в белых перчатках. Но главное — сохранить чистоту в душе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105188-4

*Все события и персонажи
романа вымышленны*

Часть первая

НАЗАД

Эта женщина в окне
В платье розового цвета
Утверждает, что в разлуке
Невозможно жить без слез.

Булат Окуджава

Глава 1

Дина сидела на темно-лиловом мягком диване и смотрела на бесконечно пустую, обнаженную стену. Она не могла отвести взгляд. Не могла встать или повернуть голову в другую сторону. Когда стемнело, Дина не смогла включить свет. Ей казалось, что она вся сейчас — мозг, память. Нельзя тратить силы даже на слишком глубокий вдох. Нужно, не поднимаясь, начертить взглядом на этой голой стене карту того, что случилось с ними со всеми. С ней, Вадимом, с этой стеной и, главное, с зеркалом... Дину не оставляла мысль, что дело именно в зеркале. Ведь оно видело больше, чем она.

В эту небольшую, двухкомнатную, очень уютную, теплую и светлую квартиру в одном из немногих зеленых мест Москвы на Юго-Западе они с Вадимом переехали два года назад. Он купил квартиру сразу после их свадьбы. Они вдвоем взволнованно выбира-

ли: чтобы и добираться удобно в любое место, чтобы район потише, чтобы в окна смотрели деревья, а под ногами была трава рядом с подъездом. И, конечно, чтобы хватило денег, которые они получили, продав две свои однушки.

Дина и Вадим познакомились в новостной редакции частной телекомпании, которая принадлежала первому мужу Дины, опытному телемагнату, сильному, властному человеку, всегда позволяющему себе право независимого голоса. Времена бывали разные, ему угрожали, его шантажировали, на него покушались, но Артем понимал, что он не просто человек, а дело. И его страх, приспособленчество — это смерть дела, что гораздо трагичнее в глобальном масштабе, чем смерть одного человека. Во имя дела он стал и серьезным финансистом. Право независимого голоса может держаться лишь на таком цементе, как деньги. Иначе сметут.

Дина была жемчужиной в тщательно подобранном коллективе. Выпускница факультета журналистики МГУ, она обладала всеми качествами, которые нужны для того, чтобы маленькая авторская передача стала сенсацией. Дина сама писала тексты, всегда была взволнованной и эмоционально яркой. И ее особенную красоту любила камера. Передача Дины длилась ровно пять минут, но пользовалась популярностью и держалась на плаву уже пять лет. Запись эфира на следующий же день разносилась по Интернету, редакция получала восторженные отклики от просвещенной аудитории и самые дорогие для журналиста отзывы: звонки простых, в чем-то очень несчастных людей, которым показалось на-

Евгения Михайлова

конец, что их заметили, что на их защиту встали. «Ох. Спасибо. Такая девочка... Я плакала потом всю ночь. Носки вот вяжу этой журналистке», — говорила какая-нибудь бабушка. Но бывали и оскорбления, и грязь, и агрессивная зависть. Обратная сторона успеха.

А семейная жизнь Дины и Артема потерпела крах. Для семейной жизни они оба были слишком независимы. Когда развелись, Дина поставила бывшему мужу условие: никаких денег, кроме зарплаты. «Иначе уйду из телекомпании». И переехала в бабушкину однокомнатную квартиру на окраине Москвы.

И Артем, и Дина были настолько профессионалами, что мучительный разрыв — ведь они оба оборвали по-прежнему страстное влечение во имя мифической свободы личности — не сказался на их совместной работе. На трудовом фронте они остались незаменимыми друг для друга.

Дина не знала, как переживает их расставание Артем, он всегда делал шаг только вперед и не оглядывался. А она... Ей было очень тяжело. Возвращалась домой, отключала телефоны и металась в тоске, боялась ночи, подушки, сна. Плакала навзрыд. Не от любви, а потому, что не знала настоящего одиночества. Артема было так много в ее жизни, что она сначала рвалась, чтобы вздохнуть на свободе, а потом оказалось, что вроде бы только муж заполнял ее жизнь. Казалось, без него дышать невозможно. Дина вставала задолго до рассвета, чтобы привести себя в порядок, чтобы даже гример Надя ничего не заметила. А покрасневшие глаза — так это общая проблема. Софиты...

МОЕ УСЛОВИЕ СУДЬБЕ

Так она и жила. Больные вечера и ночи, полноценный рабочий день, заполненный вдохновенным гневом и вдохновенным лиризмом. Дина чувствовала свою аудиторию, умела с ней говорить, как никто, что-то объяснить, дать бой тем, кто, болтаясь у этой, столь во многом обездоленной аудитории на шее, объявляет себя властелином жизней. Ее большие темные глаза, которые на экране выглядели еще выразительнее, чем в жизни, смотрели на зрителей так, что каждый чувствовал себя ее единственным слушателем, молчаливым собеседником. Писали программу, как правило, не больше двух дублей. Каждый около получаса. Оставляли при монтаже пять минут. Знаменитые, любимые всеми пять минут.

После записи Дина тщательно смывала грим, расчесывала укладку, надевала джинсы, джемпер, куртку с капюшоном и отправлялась домой. Возле дома заходила иногда в магазин за какой-то готовой едой в пластиковых упаковках. Покупала кофе, молоко, фрукты. Ее редко узнавали здесь, в этом отдаленном районе, мало кто и смотрел их частный канал. Большинству хватало федеральных.

Но однажды Артем объявил редакции, что уволил заведующего из-за «неспособности к развитию». Был у Артема такой жестокий и окончательный приговор. И на следующий день вошел утром в комнату редакторов, где Дина правила свой текст, новый заведующий. Потом они с Вадимом часто вспоминали то утро. Как он вошел...

В комнате было несколько человек, еще никто не произнес ни слова, Дина просто почувствовала, как что-то изменилось, как регулярная деятельность

Евгения Михайлова

вдруг прекратилась. Люди перестали стучать по клавишам, буднично переговариваться и даже начали иначе дышать. Дина подняла голову и увидела высокого кареглазого мужчину, который смотрел, улыбаясь, именно на нее. И сказал ей: «Здравствуйте, Дина», а потом уже общее приветствие всем:

— Доброе утро, коллеги. Я — новый заведующий, прошу прощения за это слово, оно мне самому не нравится. Просто так написано в контракте. А вообще, я просто ваш новенький, зовут меня Вадим Николаевич Долинский. Надеюсь, вы поможете мне войти в курс дела, посвятите в свои планы. Пока я хорошо знаком только с творчеством нашей звезды. Исключительно как влюбленный зритель.

— Ну и заявочки у вас, гражданин начальник, прошу прощения и за эти слова, — улыбнулся второй ведущий Дима, который готовил выпуск на завтра, — так сразу объявили, что все остальные, кроме Дины, для вас просто тьфу.

— Нет, конечно. Ни в коем случае. Я просто выступил как зритель. Воспользовался, так сказать, случаем. А как сотрудник редакции я немного имею представление о том, что делаете вы все, а что будем делать дальше, решим вместе. Очень надеюсь на вашу помощь.

И потом какие-то дни, довольно много дней они просто общались по работе, Дине было легко с ним обсуждать все вопросы. Вадим умел замечать такие тонкие вещи, делать мягкие замечания, на первый взгляд мелкие, но они меняли все... И ничего не происходило, все было, как обычно у нее без Артема. Только... Такое значительное «только», о котором

она даже не думала. Старалась не думать. Вечера и ночи стали другими. Она вспоминала прошедший день и вновь чувствовала, как ласкает ее и греет карий горячий взгляд. А ведь Вадим вовсе на нее и не пялился. О них даже никто не сплетничал. Но что-то между ними было, об этом знала только она. Но даже не думала о каком-то продолжении того, чего на самом деле вроде и нет, не хотела никаких продолжений. Пусть так.

...Вдруг в прихожей, где тоже еще не был включен свет, раздался сначала шорох, потом шум, какой бывает при борьбе без звука. Дина резко встала, зажгла в комнате люстру и выбежала в прихожую, по пути нажимая остальные выключатели.

Глава 2

Через четыре месяца совместной работы Дина и Вадим вроде бы случайно вышли из редакции вместе. Было уже темно, шел дождь. Дина надвинула капюшон почти на глаза. Артем когда-то говорил, что он ненавидит женщин в капюшонах. Они напоминают ему американское тайное общество ку-клукс-клан, а когда переходят дорогу, не в состоянии посмотреть ни вправо, ни влево. «Задумается о своей кухне и прет напролом под колеса, — раздраженно говорил Артем. — Имел сегодня шанс раздавить как минимум трех». Дина никогда не носила куртки с капюшоном, когда была женой Артема. У нее просто не было такой одежды. Она выходила по утрам в элегантных полушубке, манто, плаще, летом — в том платье или костюме, в которых будет записывать-

Евгения Михайлова

ся, — очень скромных, достаточно закрытых, с юбкой на три пальца ниже колен, ровно до щиколоток или в брюках, — и баснословно дорогих. Что было понятно любому. Она делала несколько шагов к «Мерседесу» с водителем, который открывал ей дверь. И хотя она была бледная, совсем без косметики, ни у кого не возникало сомнений, что эта женщина на миллион долларов. Бренд своего мужа и его дела. Дина и сейчас надевает на запись кое-какие из тех вещей. Других не покупала. Но однажды Артем принял очередную передачу и попросил ее остаться в кабинете, когда все вышли.

— У меня просьба. Точнее, распоряжение. Отнеси в мусорный бак это черное платье. И серый костюм. Дальше я буду говорить, что еще. И в порядке административного приказа. Могу и на бумаге, если ты хочешь позориться и смешить людей. Раз в три месяца ты будешь получать, скажем так, спецодежду. Никак не хочу ущемить твою самодостаточность, но ты все же в моем проекте. Галатей, грубо говоря. Твои страшные куртки оставляю на твоей женской совести. Ты в них едешь не в мой дом. Есть возражения?

— Нет. Будет сделано, мой Пигмалион, — шуточно отдала честь Дина.

И после того разговора раз в три месяца курьер доставлял ей красивую коробку со «спецодеждой», она послушно отдавала дворникам забракованную Артемом вещь, в которой уже нельзя было появляться на экране. А «страшные куртки» спокойно уживались и уживаются с ее женской совестью. Более того, она, как те женщины, которые переходили Артему дорогу, рискуя быть раздавленными, чувствовала себя

в смешной безопасности. Ее никто не замечает, не узнает, она мало кого видит.

И Вадима тогда увидела, только когда он обогнал ее и встал на пути.

— Вы на машине? — спросил он.

— Нет, на метро.

— Можно вам предложить свои услуги водителя?

— Вам вряд ли это будет по пути. И я далеко живу.

— Ничего прокачусь, посмотрю ваше далеко.

В машине они продолжили разговор на рабочие темы. С Вадимом было легко и приятно говорить: он умел слушать, понимал то, что мало кто понял бы. Дина подумала о том, что впервые встречает мужчину, равного по уму Артему. И... совершенно другого. Она не сразу заметила, что они проехали значительную часть пути, центр давно остался позади, и машина явно движется к ее району. Но Вадим не спрашивал, куда ехать! Она посмотрела на него вопросительно. Он явно прочитал вопрос и ответил тоже без слов. Пожал плечами. И тогда Дина позволила себе признать, что все, что ей казалось, было на самом деле. И это понимание — самое яркое событие за весь срок кромешного одиночества без Артема.

Какое-то время они ехали молча. Дождь стучал в окно и по крыше машины. Вадим вдруг съехал на обочину уже пустынной проезжей части. Ее дом был в нескольких кварталах. А здесь начинался маленький дикий парк из фруктовых деревьев, тополей, берез. Дине рассказали соседи, что здесь когда-то была деревня, помещичий дом с большим фруктовым садом. Все исчезло, а кусочек сада уцелел. Только это уже потомки тех, былых деревьев.

Евгения Михайлова

— В детстве я больше всего любил гулять под дождем по лужам, — произнес Вадим. — Дина, у меня такое сумасшедшее предложение — выйти и прогуляться под этой стихией. По воде, как посуху... Макияж вы смыли, а капюшон вашей куртки...

— Как у ку-клукс-клана? — быстро переспросила Дина.

— Нет, — ничуть не удивился Вадим. — Как у Красной Шапочки, которая несет бабушке пирожки. Если бы она, конечно, тоже предпочитала черный цвет.

Дина вдруг легко рассмеялась и первой выпрыгнула из машины. Она не стала надевать капюшон, а подняла голову к щедрым каплям дождя, приоткрыла рот, пила прохладную влагу. Дождь смывал усталость, горечь, хронические ожоги — не от софитов, а от того, что Дина видела вокруг не глядя — с ее глаз. Это было именно то, что ей так давно было нужно...

— В этом вашем страшном-страшном лесу из десяти деревьев волки, случайно, не водятся?

— Давайте посмотрим, — азартно воскликнула Дина. Ей так хотелось продолжить эту странную, внезапную, какую-то нереальную прогулку...

— Нам удобнее будет перейти на «ты», — сказал Вадим. — Потому что я тебя возьму сейчас за руку. Грязь довольно скользкая.

Они прошли пару метров, шагая в такт шуму дождя, вдыхая свежесть, наслаждаясь темнотой, как уютным убежищем для двоих. Дина все же поскользнулась. Вадим поддержал ее, потом легко притянул к себе. Она смотрела на его мокрое лицо снизу вверх

и удивлялась его красоте. И тут они оба услышали странный звук — то ли стон, то ли хрип... Дина вздрогнула.

...Она вспомнила сейчас тот вечер и ту ночь, которые связали их так крепко, но так ненадолго, опять ее затопила волна этого бесконечного, безысходного томления, и сердце застонало, как будто в нем медленно и жестоко повернулся осколок зеркала... Дина на мгновение прижала ладони к лицу, к вискам, глазам, зажала рот, чтобы не вздумал всхлипнуть. И опустилась на колени перед огромным сенбернардом, который с упорством и мощью совершенного зверя пытался поставить себя на крупные прекрасные лапы, преодолевая протест и боль давно и безнадежно поврежденного позвоночника.

— Лорд, мой дорогой, я с тобой, ты сможешь.

Дина просто стояла на коленях рядом и боялась, как всякий раз, что он не справится. А помочь ему невозможно, не только потому, что они равны по весу, но и потому, что он не даст. Может укусить от отчаяния и оскорбленной гордости. Она ему нужна как родная душа. Для поддержки, любви и восхищения.

С Лорда и благодаря Лорду тогда просто и естественно началась их совместная жизнь с Вадимом... И вот теперь они остались вдвоем, без Вадима.

— Лордик, — прошептала Дина, — я так тебя люблю. Я так в тебя верю. Мы со всем справимся. Мы во всем разберемся, да, мой дорогой? Мне это очень нужно: все понять.

Пес посмотрел на нее своими невыразимо прекрасными глазами и встал. Это был его ответ: «Все ради тебя».

Евгения Михайлова

Глава 3

Домашний кабинет Артема несколько не отличался от его рабочего кабинета, оборудован был теми же профессионалами, только за его счет. Телевидение — вещь круглосуточная, Артем не мог ни на секунду ослабить контроль. У него и машина оборудована так, что он, и находясь в дороге, может связаться с кем угодно и посмотреть все, что нужно. Он посмотрел дома в записи завтрашнюю передачу с Диной, одобрительно кивнул, откинулся на спинку кресла, допил виски, вспомнил тот день.

Это было три с половиной года назад. Он тогда давно уже мысленно вычеркнул из рабочих планов заведующего редакцией, в которой работала Дина, искал замену. Артем представлял себе этого нового работника, как будто точно знал его. Симпатичный, обаятельный, демократичный человек с железным внутренним стержнем. Не быть обаятельным и демократичным в компании мог только сам Артем. Дело требует не просто жесткости, но и жестокости. Новый заведующий редакцией должен был безоговорочно принять концепцию, заинтересоваться лично и внести что-то свое. Он обязан был изменить то, что все воспринимали как данность, как догму. Но никаких резких перемен зритель заметить не должен, только что передачи стали лучше, современнее, созвучнее настроениям. И потому не надоедали. Именно настроениям, потому что время всегда принесет и трагедии, и фарсы, и поводы для умиления. Но главное, нужно улавливать что-то в подсознании людей. Что больнее, что нетерпимее, что есть надежда и ожидаемая